

1 мая 1945 г., вторник, 1410-й день войны

Навстречу 75-летию Победы

Помним!
Гордимся!
1941-1945

МОЛОДОСТЬ ИХ ВОЕННАЯ

Десятого июля 1945 года в Советский Союз из Берлина отправился первый поезд с демобилизованными бойцами Советской Армии, участвовавшими в штурме Берлина. Такое сообщение запечатлено в «Краткой хронике «СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945».

Этим поездом и вернулась на родину из Берлина медсестричка Машенька Довгаль (1922 г.р.). В годы войны она растеряла всех родственников, и из одного конца восточного полушария (из далёкой Германии) в другой помчалась на Камчатку, приговаривая при этом: «До Берлина дошла, а до Камчатки не смогу?» - так рассказывала её верная подруга, долгожительница, которой 8 марта исполнилось 93 года, ветеран трудового фронта Розалия Михайловна Журина, с которой они сдружились ещё в Хаилино, куда на строительство нового посёлка в 1957 году приехал вначале муж Розалии - Александр, а она с двумя детьми приехала в национальное село осенью того же года.

Мария и Роза, одна - воин-фронтовик, вторая - труженик тыла, тесно сдружились, и Роза очень скучала по Марии, когда та из-за болезни через какое-то время переехала на постоянное проживание в Тилички. А потом и семья Журиных появилась в райцентре, и дружба двух ветеранов продолжилась, хотя по тем меркам обе были слишком молоды, чтобы называть их так: «ветера-

ны».

Долгими зимними вечерами обе вспоминали прошедшую военную трудную, порой, очень тяжёлую молодость, как сейчас обе живут в достатке и в тепле. Но Мария всегда замыкалась, когда речь заходила о войне: «Я не хочу об этом говорить!». Поначалу это было странновато - другие даже хвастались своими «заслугами», которых, порой, и не бывало, а она молчит, ничего не говорит. Только однажды, поделилась воспоминаниями Роза Михайловна, Мария обиженно прокомментировала фильм о том, как чисто выбритые и надушенные союзники встретили их, советских освободителей, которые дошли до рейхстага: оборванные, немытые, с насекомыми в голове. «Стыдно,- вспоминала Мария Ивановна,- было даже на глаза иностранцам показаться».

Розалию же Михайловну всегда смущали её собственные натруженные руки, которые валяли шерсть, били её валиками, катали, а потом валяли валенки. И она крайне редко рассказывала о том, как молодёжь вместе с ней трудилась на фабрике в годы войны, чтобы обеспечить в зиму хотя бы частичку советских воинов зимней обувью.

Мария Ивановна за годы войны получила не одну награду, среди которых были Орден «Отечественной войны» 2 степени и медаль Жукова. Более трёх лет Мария была на войне: без сна, без отдыха, вечно стремящаяся помочь ра-

До Победы осталось 8 дней

неным, облегчить их страдания. Не сохранились они после пожара в Хаилино, но документы Олюторского райвоенкомата подтвердили её награждение. А Мария Ивановна лишь отмахивалась: «Я знаю, что награды у меня были, а остальное неинтересно». Её с удовольствием приглашали в школу, чтобы она рассказала ученикам об увиденном на войне: через что прошла, что видела своими наивными, вдруг вмиг повзрослевшими глазами, скольких подруг потеряла, сколько бойцов прошло через её маленькие руки, которыми она вытаскивала с поля боя раненных, бинтовала их, обрабатывала раны, чтобы с санитарного поезда передать их дальше в госпитали на излечение. А видеть ей, как медицинской сестре, пришлось очень и очень много: в эвакогоспитале через её руки прошли сотни таких воинов. Вот почему Мария Ивановна после войны отказалась идти работать медсестрой: «Я столько всякого навиделась! Не хочу больше!»

За взятие Берлина уже в августе воинам-освободителям вручалась медаль «За взятие Берлина», которая была учреждена 9 мая 1945г., которой позже удостоилась и Мария Ивановна.

А Розалия Михайловна после войны получила «гражданское» удостоверение за труд в годы войны.

Вот и связала их судьба уже послевоенная, которая продолжилась до тех пор, когда Марию Ивановну увезли в дом престарелых в Елизово. Но даже и после этого подружки, которых так тесно сплела судьба, иногда перезванивались.

... Тёмно-синие с блеском пронзительные глаза, резковато-грубоватый от постоянного курения голос, высокая, статная - это Мария Дмитриевна Королёва. Она только-только окончила первый курс медицинского училища, когда началась война, и сразу пошла в опол-

чение, в зиму 1942-го рыла окопы под Элистой (Калмыкия), а в 1942 году её, как проучившуюся год в медучилище, направили на одну из флотилий. Она была медсестрой, участвовала в боях, отсюда и резкость в словах, потому что фронтовая медсестра - это мать, сестра, сестрица, которая, собрав волю в кулак, должна уметь оказать раненному бойцу не только медицинскую помощь, а ещё и психологическую, отчего иногда и происходили окрики особенно на тяжело раненных, когда нужно было их подбодрить не нежным словом, а именно окрик в придачу с крепким словцом помогал в этом.

Марии пришлось служить на флоте на Каспии, Чёрном море, Дунае, спасая жизни раненых, которых прошло через её руки великое множество.

Я хорошо помню эту женщину, когда она в конце 1960-х - начале 1970-х приезжала из Апуки в Тилички в какую-нибудь командировку. По предъявленным в отдел кадров РОНО документам она считалась специалистом с подготовительными курсами медсестёр, прошедших военную подготовку, которую в начале войны проходили многие девушки: если у других медсестёр образование было медицинское, то у Марии Дмитриевны оно значилось, как у прошедшей «подготовительные курсы». Тем не менее, знания у неё были отменные, видно, сказывалось пребывание на войне, когда ты и терапевт, и хирург, и детский врач, и лор одновременно.

Румянец всегда играл на щеках Марии Дмитриевны, лишь небольшой шрам на месте весёлой ямочки указывал на осколочное ранение. Она тоже никогда не говорила, откуда шрам, где воевала, лишь весело и лучезарно улыбалась. Вся бухгалтерия РОНО просто обожала её за весёлый нрав, но на своей работе она была очень требовательной - военная закалка приучила к этому.

... Татьяна Николаевна Миненко, учительница Ачайваямской начальной школы, в 1960-1970-х тоже бывала частым гостем Тиличик. Тогда мы, молодые сотрудники бухгалтерии РОНО, даже и не подозревали, что она в двадцатилетнем возрасте попадёт сандружинницей на санитарный поезд. Невысокого роста, пополневшая уже с возрастом, потому мы даже не могли представить её в роли сандружинницы.

Что такое санитарный поезд? В годы войны массово готовили сандружинниц для работы на санитарных поездах и в эвакуогоспиталях, под которые выделялись школы, дома культуры, спортивные учреждения, куда привозили большинство раненых. И, хотя на поездах, на санитарно-транспортных кораблях, госпиталях и больницах яркой краской были прорисованы большие красные кресты по бокам поездов, кораблей, зданий и на их крышах, они являлись особой приманкой для зверствующих фашистов: са-

молёты на бреющем полёте почти в упор расстреливали тех, кто ещё как-то мог двигаться, разбегающихся раненых, одновременно сбрасывающих на поезда массу бомб, а в море транспорт тонул, а госпитали и больницы беспрестанно бомбились.

Сандружинницы требовались медицинской службе каждого фронта, каждой армии. Но для них езда по рельсам в любой момент могла быть разрушена врагом, а значит, поезду, сопровождающему персоналу, раненым бойцам придёт конец.

Постоянное беспокойство за судьбы раненных в бою солдат и офицеров, недосыпание, хроническая усталость. Даже молодость не всегда выручала: хотелось есть, пить, спать, помыться в нормальных условиях.

Но они терпели и перетерпели всё: война закончилась, наступил долгожданный мир...

...Три учителя, три участника войны, работали в Тиличической средней школе. После середины 1950-х в Тилички приехала чета Боярчук. Она - учитель истории, он работал главным врачом Олюторской центральной больницы (имя-отчество, к сожалению, забыла). Оба высокие, статные, но видно, что он уже немолодой, седой, а она с каким-то уставшим лицом. Лидия Николаевна с пушистым валиком волос над высоким лбом, меняющая ежедневно наряды, аккуратная, подтянутая, с тонкой талией, притягивала взгляды старшеклассниц своей аккуратностью и всегда пахнущая вкусными духами. Очень строгая, её боялись даже хулиганы, которых в школе всегда хватало. Урок свой она вела без каких-либо конспектов, рассказывала о новом материале так, как будто перед её глазами стоял текст, а она только водила глазами из стороны в сторону поверх голов учеников. На войне, как намного позже узнали мы, она была разведчицей, но как-то не вязалось это слово с самой Лидией Николаевной, а сама она даже на исторических примерах вроде бы недавно закончившейся войны, никогда ни единым словом не обмолвилась, что и она вместе с другими защищала нас: не увязывалось это всё с ней.

А учителем географии в школе у нас работала Ирина Васильевна Москалюк. Не любили мы её предмет - географию, особенно экономический раздел. Её муж Роман Фёдорович Москалюк заведовал типографией. Ирине Васильевне, сообщила недавно её дочь Марина, глубоко за девянство, мужа она похоронила. А сама участница войны живёхонька. На фронте была радисткой, и тоже - молчок. В школе у нас она преподавала ещё уроки пения, это с её подачи мы, её бывшие ученики, запомнили пионерскую песню «Кто в дружбу верит горячо!». Ирина Васильевна проводила уроки под «тра-ля-ля», потому что в школе только

вместе с преподавателем пения позже появился баян, на котором она всё равно играть не умела.

...Мария Алексеевна Рубцова у нас была учителем физкультуры. Она никогда не пользовалась губной помадой, потому что губы и без того ярко выделялись, большие серые глаза, изогнутые брови, на уроках она была в спортивном трико, что для нас было в диковинку. Её зычный, командирский голос слышен был из любого конца школьного коридора, когда в нём проводились уроки физкультуры, и разносился по всем классам небольшой деревянной школы, где мы учились. Позже она с мужем и детьми переехала в Олюторку. Всегда вела общественную работу, являясь депутатом села, района, области, председателем женсовета, председателем ДНД. На месте той нашей деревянной школы, построенной ещё в 1910-х годах, уже в середине 1960-х выросло трёхэтажное каменное здание, которое сильно пострадало от землетрясения в 2006 году и полностью было снесено в 2019г.

В неполные двадцать лет с февраля 1942г. медсестрой она попала в санитарный поезд особого назначения, а с июля этого же года служила в Первой Краснознамённой Армии Дальнего Востока.

Ещё один преподаватель - Александра Александровна Немова. В последние годы 1960-х она была приглашена в школу для преподавания уроков труда для девочек: кроить и шить. Её мы никак не хотели называть по имени-отчеству, потому что до этого она работала в ателье закройщицей и портной, отсюда и звали мы её «тётя Шура». От неё мы узнали, как презрительно относились к женщинам, которые воевали, наравне с мужиками отвоёвывали мир для нас. Сама она была фронтовым шофёром, её грузовик как-то постоянно выходил из-под обстрела, её даже не ранило. Досаждали сильные морозы, когда невозможно было завести мотор даже ручкой, и её однополчане помогали всегда. Бытовые условия были почти одинаковы: туалет за кучей снега зимой, или за кустиком - летом, крайне редкое мытьё в бане среди отвернувшихся солдат. Тётя Шура почти шёпотом рассказывала нам о том военном времени и предупреждала нас: «Только никому не говорите!». Она знала отношение окружающих к женщинам-фронтовичкам, мы же не понимали такого запрета. Она и замуж вышла в позднем возрасте за парня, моложе её почти на десяток лет, успев (по возрасту) всё же родить ему двух пацанов. Профессию шофёра тётя Шура получила после окончания семилетки. Она любила машины, быстроту езды - ей бы мальчишкой родиться, шутила она. А на фронте всё не так просто: машину заправить бензином, завести её на крепком морозе, проехать по до-

роге, чтобы не попасть под бомбы, про- вести боеприпасы в окопы солдат: по- пади бомба в машину, и ни от водителя, ни от машины ничего не останется.

А ещё в Тиличикской школе почти 23 года проработала Зоя Исаевна Жилен- ко, приехавшая с мужем и маленькой дочуркой в 1960-м году. Эта женщина никак не походила на ту защитницу род- ной земли, каковой на самом деле она была ещё в годы Великой Отечествен- ной войны, когда вместе с другими мо- лодыми парнями и девушками, стари- ками и старухами, которые могли дер- жать в руках лопаты, рыла окопы при защите Кавказа, куда так рьяно рвались немцы, чтобы покорить Баку вместе с его огромными запасами нефти для оснащения собственной фронтовой тех- ники.

Зоя Исаевна никогда не рассказы- вала о военных годах. Вместе с мужем Ростиславом Андреевичем они просто молчали, а ведь оба имели медали «За отвагу» - он как участник войны, она - как участница трудового тыла.

Эта спокойная женщина не походи- ла на ту девчушку, которая так умело ра- ботала на тракторе. Даже просто пред- ставить сложно: годы войны, допотоп- ные трактора, и она - девушка-отвага, девушка-воительница, девушка-защит- ница! По военному труду и слава ей! Только не знали мы о ней ничего, пото- му что, повторяю, они с мужем никогда и ничего не рассказывали о своих тяжё- лых военных годах.

Как о Лидии Николаевне Боярчук, Ирине Васильевне Москалюк, Зое Иса- евне Жиленко, так и о Марии Алексеев- не Рубцовой, участницах войны и трудо- вого тыла, мы стали узнавать после 1960-х, потому что день Победы после 1945 года в нашей стране очень долго не праздновался, а среди оставшихся в живых участников войны стали выявлять ветеранов, о которых и начали узнавать- то из газет, особенно в нашем районе, где в те далёкие годы о телевидении даже разговор никогда не возникал, а многие и не понимали, что это такое.

Вот и получается: женщины воева- ли, защищали нас, а гражданское насе- ление косо смотрело на таких защитниц,

которые наравне с мужчинами навида- лись всякого - крови и боли, ужасов и тревоги, оставшись вопреки всему живы- ми. Жаль только, что уже и спросить-то не у кого: «А что такое - война?»

И этот медицинский персонал как Мария Дмитриевна, Мария Николаевна, Мария Ивановна, Мария Алексеевна или шофёр «тётя Шура» - все они воины с большой буквы, потому что отдавали ча- стицу своего тепла каждому раненому, каждому выздоровевшему. И радова- лись, когда изредка бойцы присылали весточки своим «сестричкам» из госпи- таля или с поля боя, когда шли дальше после излечения, чтобы до конца раз- метать фашистскую нечисть.

...Стихотворение Андрея Лихачёва как нельзя лучше рассказало о частице судьбы фронтовой медсестры, которое я с удовольствием хочу предложить в память о тех медицинских работниках нашего района, которые в годы войны воевали. Думаю, оно в равной степени подошло бы каждой.

Фронтовая медсестра

Андрей Лихачёв

Горел закат солдатской кровью,

Мы устояли до конца.

А медсестра с такой любовью

Спасала старого бойца.

Худая, юная девчонка,

Её глаза как у ребёнка

С какой-то искоркой живой.

- Ну, потерпи ещё немного!

Сейчас тебя перевяжу,

Лежи спокойно, ради Бога!

Тут безопасно, я слежу.

Ещё чуть-чуть, чуть-чуть осталось,

Не умирай, сойду с ума!

И сердце девичье сжималось,

Как будто ранена сама.

Отец и дочь в одной землянке,

Кто бы такое представлял...

Горели вражеские танки:

Кто был живой - по ним стрелял.

Земля, родимая рыдала

От раны каждого бойца!

А медсестра? Она узнала

В солдате раненом отца...

А сколько их сестёр-девчушек

В окопах на передовой

Всеяли жизни в наши души

И укрывали нас собой.

Закончен бой. Поставил точку
В себя пришедший в блиндаже.

Боец сказал: «Спасибо, дочка,
Ты стала взрослою уже».

...Поэтесса Юлия Друнина в годы войны воевала на фронте, будучи мед- сестрой. Вместе с ней воевала её подру- га, которая погибла совсем молодой. И Юлия посвятила ей стихотворение, ко- торое, уверена, посвящено тем многим и многим медицинским работникам, ко- торые умирали молодыми, совершенно не повидавшие и не вкусившие обычной человеческой жизни, о которой мечтала каждая юная девушка.

Я ещё не жила

На носилках около сарая

На краю отбитого села,

санитарка шепчет, умирая:

- Я ещё ребята не жила.

И бойцы вокруг неё толпятся

И не могут ей в глаза смотреть:

Восемнадцать - это восемнадцать,

Но ко всем неумолима смерть...

Через много лет в глазах любимой,

Что в его глаза устремлены,

Отблеск зарев, колыханье дыма

Вдруг увидит ветеран войны.

Вздрогнет он и отойдёт к окошку,

Закурить пытаюсь на ходу.

Подожди его, жена, немножко, -

В 41-м он сейчас году, там,

Где возле чёрного сарая

На краю отбитого села

Девочка лепечет, умирая:

- Я ещё ребята, не жила...

...За героический труд и подвиги в годы Великой Отечественной войны 116 тысяч медицинских работников были награждены орденами и медаля- ми Советского Союза.

47 военных медиков удостоены высшей степени отличия - звания Ге- роя Советского Союза, а академикам Н.Н.Бурденко, Ю.Ю.Джанегидзе и Л.А. .Орбели было присвоено звание Геро- ев Социалистического труда.

Более двадцати руководителей ме- дицинской службы, главных хирургов фронтов были награждены полковод- ческими орденами Советского Союза (данные из открытых источников).

К печати подготови.

Светлана Борисова